

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ

ЧЕРНАЯ ДЫРА, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ ХОРОШИМИ

Алексей Лукьянов

**Черная дыра или
Воспоминания, которые
нельзя назвать хорошими**

«ИП Стрельбицкий»

Лукьянов А.

Черная дыра или Воспоминания, которые нельзя назвать хорошими / А. Лукьянов — «ИП Стрельбицкий»,

Виктор в коме. Он не может ни говорить, ни двигаться. Не узнает голоса близких людей – и лишь воспоминания, периодически всплывающие где-то глубоко в подсознании, восстанавливают всю последовательность событий ставших причиной состояния, в котором он оказался...Понимая, что во вселенной существуют очень большие тайны, ты пытаешься их разгадать, забывая, как коротка жизнь на твоей собственной планете.

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Я (не) хочу вспоминать!	6
ЧАСТЬ 2	12
Черная дыра	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алексей Лукьянов
ЧЕРНАЯ ДЫРА
ИЛИ
ВОСПОМИНАНИЯ, КОТОРЫЕ
НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ ХОРОШИМИ

«Почему Вселенная зародилась именно так, очень трудно объяснить чем-либо иным, кроме воли Бога, который намеревался сотворить существ, подобных нам».

Физик-теоретик С. Хокинг, «Краткая история времени»

ЧАСТЬ 1

Я (не) хочу вспоминать!

Ощущение такое, будто я просыпаюсь рано утром: тяжело, неохотно и в плохом настроении. Но, кажется, никакое сейчас не утро. Точнее, может быть и утро конечно, но просыпаюсь я не из-за этого точно!

Голова совсем не соображает. В комнате есть кто-то кроме меня, но не могу понять кто. Их голоса я слышу будто издалека – все равно, что эхо какое-то. Да и плевать на голоса! Что с того, если бы я и понимал, о чем все они говорят!

В голове появляется первая мысль: я не проснулся, а пришел в себя. Очнулся. Но что же со мной случилось? Как я оказался в таком состоянии? И главное, кто я?

Перед глазами темнота.

Интересно, я вижу что-нибудь в принципе? Или слепой как крот? Надеюсь, что первое. Пытаюсь пошевелить рукой – не получается. Ногой – то же самое. Что же со мной случилось? Кто ответит? Я что, какое-то подобие овоща теперь? Ничего не вижу, не могу говорить и даже пошевелить рукой или ногой? Все настолько плохо, да?

«Ладно, – пытаюсь успокоить я сам себя, – все мои физические способности надеюсь со временем вернуться, но ведь есть и еще одна проблема, она-то больше всего меня сейчас и беспокоит: я не знаю, кто я такой и ничего о себе не помню. Вообще ничего».

Тем временем голоса в комнате становятся все более мне понятными, и я даже могу что-то разобрать.

«Как?... Как он?... Есть хоть какая-то надежда на то, что ему станет лучше?» – кажется, в комнату вошел какой-то мужчина, его голос я слышу будто издалека.

«Он по-прежнему в коме и неизвестно, сколько еще будет оставаться в таком состоянии, – отвечает женщина голосом тихим, уставшим и измученным настолько, что я с трудом понимаю ее слова. – Операция длилась почти восемь часов, – продолжает она, – и мы сделали все возможное: удалили образовавшуюся в голове опухоль... – несколько слов я все же не разобрал, – ...и теперь все зависит от того насколько сильный у него организм и от Бога, конечно» – она договорила, и в палате какое-то время был слышан только звук кардиомонитора.

По шагам мужчины, громким и быстрым, я понял, что теперь он оказался рядом с моей кроватью. Потом у себя на волосах я почувствовал легкую и слабую женскую руку. Женщина стояла рядом с моей кроватью; она медленно провела рукой по моей голове и заплакала.

«Все будет хорошо...» – голос мужчины тихий... и, возможно, сейчас он обнял женщину, слеза которой упала мне на щеку и показалась очень горячей, будто уголек обожгла она меня.

Женщина – супруга того мужчины, что только что подошел к моей кровати? Да, наверное. Мне кажется, сейчас он ее обнял.

Но кто эти люди и почему находятся сейчас рядом со мной? Кажется, переживают и даже плачут. Кто я для них?...

Потом слышу еще какой-то голос. На этот раз мужской. Не такой низкий, как первый и гораздо более тихий и спокойный, отчего разобрать получается только пару слов:

«... не уверен...»

Только вот в чем он не уверен? В том кто я? Или может быть в том, останусь ли вообще жив? В любом случае не могу сказать ничего хорошего о своем состоянии и тем более не представляю, удастся ли из него выкарабкаться. А самое ужасное то, что ни у кого ничего я

не могу узнать. Я же не могу говорить, поэтому не могу узнать ни то кто я, ни то, как здесь оказался, ни то, черт возьми, сколько даже сейчас времени!

Скоро голоса совсем от меня отдаляются, но не потому, что все люди уходят из палаты, где я лежу, а потому, что у меня не осталось сил, и находиться в сознании все трудней; хочется спать. Но это и хорошо, ведь кроме возможности отдохнуть, там, в глубине моего подсознания, я могу выяснить и кто я. Что-то подсказывает мне, что все ответы на мои вопросы нужно искать именно там... в том месте, куда я сейчас отправляюсь...

Но, стоп!

Кроме желания все вспомнить я чувствую и страх – он где-то глубоко внутри меня, там же где и все воспоминания о прошлом. Они совсем рядом и неотделимы друг от друга... воспоминания и страх. Только не могу заглянуть так глубоко, туда, где все ответы на мои вопросы сразу. И не хочу. Что-то плохое скрывается там, в глубине моего подсознания; что-то ждет меня там, но я уже всерьез задумываюсь о том хочу ли знать, что именно... Мне бы гнать все эти мысли куда подальше но, не поддавшись течению по которому они мимо меня сейчас проносятся, я не узнаю и что со мной произошло. А главное, не узнаю, кто я! «Ничего не вспомнив, не сможешь выйти из состояния, в котором сейчас оказался, – будто шепчет в голове чей-то голос. – Так и будешь лежать не в силах даже моргнуть и задаваться бесконечными вопросами, на которые никто ничего тебе не ответит...».

Несмотря на темноту и холод той бездны где, окутанные страхом, прячутся все мои воспоминания, я решаю, что быть овощем не для меня. Забыв про раздающиеся все дальше и скоро совсем исчезающие голоса людей, которых я по-прежнему не узнаю, я ныряю...

* * *

Началось все с того дня, когда родители оставили нас с братом вдвоем дома. Не помню ни лиц родителей, ни куда именно они в тот день отправились, но помню, как строго сказали никуда не уходить и все время присматривать за Колей. В то время я был учеником восьмого или девятого класса, а брат – еще совсем ребенком. Если честно, присматривал я за ним всегда невнимательно и поэтому родители старались не оставлять его со мной одного надолго. Они постоянно переживали из-за моей невнимательности ко всему, кроме собственных дел. Так и говорили, что я слишком увлечен книжками по физике и кроме них и ночного звездного неба не замечаю ничего вокруг. И это была правда. Я проводил за учебниками по физике и научной фантастикой долгие часы, которые часто растягивались до целой ночи, и мне это никогда не надоедало; только сон мог помешать чтению. Часто я засыпал с книгой в руках. Еще больше времени я мог проводить только за тем, что глядел в свой сорокакратный телескоп (в моем детстве даже такой телескоп казался мне невероятным!) в бесконечно глубокую с миллиардами и миллиардами звезд вселенную...

Я смотрел в телескоп на белую луну и сопоставлял кратеры, которые видел на ее поверхности, с кратерами, обозначенными на находящейся у меня в руках карте. Все сходилось! Я радовался и бежал к матери рассказать о своем открытии. Она тоже за меня радовалась, но, конечно, по большому счету такие открытия не были для нее чем-то особенным, таким особенным как для меня. Она просто смотрела на то, что я ей показывал, и делала вид, что удивлена. Но я не расстраивался от того, что на самом деле это было не так. Наоборот! Мчался обратно к телескопу и дальше рассматривал луну, мечтая найти на ее поверхности что-то, чего не было бы на карте – пожалуй, вот она самая большая в моей жизни мечта!

Щелкнул дверной замок, родители ушли. Я остался вдвоем с братом, который крепко спал на диване. Ура! У меня была возможность побыть в тишине; почитать Хайнлайна, которого наравне с другими, подобными ему фантастами я любил как писателя, интересно излагающего на бумаге все, что рисует его грандиозное воображение! Вообще мне нравилась

тема перемещения во времени в принципе, так что «Дверь в лето» я читал запоем! Еще больше по душе приходилось красивое и грамотное описание далеких обитаемых планет (тут моим кумиром был Азимов), но это нисколько не мешало знакомиться с авторами фантастики, далекими от данной темы, и, к примеру, Сергея Лукьяненко и Ника Перумова я читал тоже с удовольствием. Хотя, возможно, я просто очень любил читать и мог взять в руки любую книгу, даже российскую классику, которая всегда мне казалась очень скучной и к которой я не испытывал особого интереса.

Чем дальше я погружаюсь в воспоминания, тем тревожней мне от них становится. Чувствую, что есть что-то в моих воспоминаниях нехорошее... Но что? Этого я пока не знаю.

* * *

Было лето и темнело поздно.

Помню, как в окно кто-то кинул камень и громко меня позвал. Я выглянул со второго этажа.

«Идешь?» – спросил парень – кажется, это был кто-то из моих друзей. Признаться, я и забыл, куда должен был с ним пойти.

«Куда?» – спрашиваю шёпотом, чтобы не разбудить брата.

«Ты что, дурак? Кататься!» – в отличие от меня друг не старался говорить тихо, и я переживал, что брат проснется. Тогда моему плану конец!

«Тшшш! – прикладываю к губам палец. – Я совсем забыл!»

«Выходи, давай!» – парень под окном делает вид, что теряет терпение. Хотя, возможно, так оно на самом деле и есть.

«Не могу!» – отвечаю ему я и с радостью закрыл бы поскорей окно.

Он опять назвал меня дураком и спросил, что же так сильно мешает мне выйти на улицу и покататься с друзьями на машине, как и договаривались.

Саня, так, кажется, зовут моего друга... Точно! Иногда он берет у своего отца машину, чтобы вчетвером мы могли съездить в город, познакомиться с какими-нибудь девочками и покататься по яркой, освещенной разноцветными огнями Москве. И порой все это нравилось даже мне! Очень нравилось! Но «берет у отца машину» – это мягко сказано! На самом деле, Саня садится в тачку без его разрешения. Еще ни разу Сане не влетело за такую самостоятельность, но это лишь потому, что его отец до сих пор ни о чем не догадался.

«Родители уехали. Я один с братом» – неуверенно говорю я.

«Ты что, опять в поле со своей трубой собрался?» – не верит в мои слова друг.

«Нет! Какое поле! – возражаю я. – Просто не могу оставить брата одного дома» – говорю все это я так неубедительно, что, кажется, не верю сам в свои слова.

Саня назвал меня Витьком. Так вот, значит, как меня зовут.

«Да брось ты свои наблюдения за звездами! Поехали, покатаемся! А? Там таких девочек понацепляем, что забудешь не то, что про звезды – про то, на какой планете живешь, забудешь!»

Я говорю Сане «нет».

«Ну ты даешь! – машет он на меня рукой. – Обещаю, что все мы потеряем сегодня девственность, а вот тебе это не светит еще много световых лет!»

«А почему ты думаешь, что я ее еще не потерял?...»

«Кого? Девственность? Да ты меня не смей! Мы ведь руки в расчет не принимаем!»

На его слова я не обращаю внимания и делаю вид, что мне смешно от него все это слышать, хотя на самом деле то, что он говорит, мне безразлично, ведь он прав: я собираюсь в поле вместе со своим телескопом. Поэтому и боюсь так сильно, что проснется брат. Лишние

неприятности мне сейчас ни к чему, ведь родители не простят, если что-то он натворит в мое отсутствие или, не дай бог, с братом что-то случится.

Саня ушел, а я остался с братом. Коля все еще не проснулся, и я твердо решил воспользоваться своим шансом...

Взяв с собой телескоп, я вышел на улицу. И лучше бы я тогда поступил иначе, и, может быть, все было бы по-другому. Как многое я готов был отдать за то, чтобы все изменить!.. Но ведь тогда было великое противостояние марса, и пропустить событие я не мог. А для любителя астрономии – это настоящее событие. Удача! В моем телескопе марс должен быть не меньше луны! – Вот единственное, что овладело тогда моим разумом.

Я шел по кукурузному полю, раздвигая перед собой руками высокие стебли. Подходящее место для наблюдений я себе давно приметил и направлялся именно туда. В округе были только частные дома, но и они уже остались позади за спиной. Кругом никакого освещения, лишь луна бросала свой белый свет на раскинувшееся вокруг кукурузное поле.

Поле принадлежало ферме, а собираемый с него каждый август урожай использовали для откорма скота – свиней, из которых местный комбинат потом делал неплохую тушенку и колбасу. Что там говорить, и мы с ребятами каждое лето собирали на этом поле кукурузу, чтобы сразу съесть, реже – отнести домой и отварить в подсоленной воде. Так, конечно, было вкусней.

Старого сторожа мы не боялись. Во-первых – он был старый, во-вторых – поле было таким большим, что, казалось, он не обойдет его и за целую жизнь. В принципе никогда мы со сторожем не встречались, если не считать одного единственного, но вместе с тем неудачного раза, когда сторож выстрелил в одного из моих друзей свинцовой пулькой из духовушки. Бежали мы тогда, как ошпаренные!

Вместе с предчувствием восторга от вида красной планеты, которую я скоро должен был разглядеть в свой телескоп, внутри появилась и тревожная мысль о младшем брате, мысль, теперь постоянно напоминающая о себе даже мне, ничего не замечающему вокруг себя и ни о чем не думающему, кроме ночного звездного неба подростку.

Великое противостояние марса! Сегодня! Именно сегодня великое противостояние марса! Я бежал к своей тайной обсерватории как помешавшийся, подгоняемый все быстрее мечтой увидеть когда-то обитаемую планету в свой телескоп. А то, что марс был раньше обитаемым, я не сомневался! Русла высохших рек; не до конца разреженная (хотя и в сто пятьдесят раз более разреженная, чем земная) атмосфера, остатки которой солнечный ветер до сих пор сдувает в космос; различные каменные сооружения – все это было, на мой взгляд, неопровержимым доказательством ранее существовавшей на марсе жизни. Когда-то марс был жив! Просто мало кто в это может поверить сейчас, и еще меньше тех, кто в это поверить хочет. Людям ведь не до этого. Но не мне!

Именно в тот день марс и земля должны были оказаться в перигелии своих орбит. Надо же! Я, кажется, вспоминаю все, что знал когда-то!

У каждой планеты есть своя орбита, по которой та движется вокруг солнца, но орбиты эти не круглые, а эллиптические, в связи с чем планеты как отдаляются от солнца, так к нему и приближаются. Ближайшая к солнцу точка орбиты – перигелий, дальняя – афелий. Орбиты земли и марса сближаются в перигелии, где планеты вместе подходят на самое близкое к солнцу и друг другу расстояние, и максимально отдаляются в афелии.

Пятьдесят семь миллионов километров! Я вспомнил! Именно на такое расстояние должна была сблизиться наша земля с красной планетой. Для сравнения, в афелии орбиты марса с земли могут отдаляться друг от друга и на сто миллионов! Нетрудно почувствовать всю значимость того дня! Подобное ведь должно было случиться теперь только через семнадцать лет.

В телескоп мало что можно увидеть на таком большом от земли расстоянии, но в тот день марс был ближе к нашей планете, чем в последние годы, и увиденное мной красно-желтое из-за поднимающейся с поверхности планеты пыли пятно заставляло от восторга затаить дыхание. Вот он, марс! Конечно, я не наблюдал ни его полярных шапок, ни каньона Маринера, но был восхищен и тем, что просто его видел; хотел рассказать об этом целому миру! Но вернулись воспоминания о младшем брате... Воспоминания текли бурной рекой...

Вдруг, я опять почувствовал неприятный холодок страха...

Что же это?...

Схватив телескоп, от которого только что потерял, как мне показалось, где-то в поле колпачок, я побежал домой, пробираясь сквозь режущие лицо и руки стебли кукурузы.

Воспоминания несут меня куда-то, где я совсем не хочу быть! Но река стремится вперед сама по себе, и я никак не могу повлиять на уносящее меня куда-то вдаль течение. По реке я плыву к чему-то, о чем совершенно не помню. Но в очереди воспоминаний тот случай стоит первым, и хочу я того, или нет, я должен пережить его заново именно сейчас; пережить, как сильно его не боялся бы.

Около дома в тот день я заметил машину скорой помощи, полицию и пожарных. От появившегося внутри меня страха ноги подкосились, и я едва не споткнулся и не упал на землю – за руку поддержал Саня, который появился откуда-то из-за спины.

«Когда узнал, я сразу же прибежал! Мы с ребятами не успели далеко уехать» – говорит он тихим испуганным голосом, я с трудом его понимаю.

«Узнал что?...»

«Ты еще не в курсе?...» – на лице Сани я вижу удивление вместе со страхом от того, что первым, кто мне обо всем расскажет, будет он...

«Твой брат...»

«Что?!.. Что с ним?!»

«Он там...»

«Да в чем, черт возьми, дело?!»

Я отталкиваю Саню и бегу в дом.

Что я наделал! Что же я наделал! – бьется в голове вместе с пульсом.

На втором этаже я вижу отца и мать. Глаза матери красные от слез; отец пытается ее успокоить, но и сам выглядит убитым горем. Да, только сейчас я вспомнил, как выглядят мои родители. У матери тонкие черты лица и небольшая горбинка на носу, что совсем не мешает ей быть одной из самых красивых женщин в мире. Такой я ее всегда и считал – одной из самых красивых женщин в мире! Ее светлые недлинные волосы едва достают до узких плеч, а тонкие изящные руки, вместе с неповторимой и чарующей неспешностью, кажутся мне самыми добрыми и ласковыми руками на свете.

Воспоминания о ней – будто луч света, но скоро гаснет и он...

Мой отец – добрый и порядочный человек, и, наверное, у него просто нет времени на то, чтобы быть другим. Он всегда чем-то занят, но занят не так как я – в своих делах отец находит время и каждому из нас. Он никогда не задавал мне трепки и до того злосчастного дня я ни разу не видел его в таком скверном состоянии: некогда добрый и внимательный ко всему взгляд теперь отражал случившееся несчастье и был совершенно потухшим; руки дрожали.

«Где ты был? Ну где же ты был?!» – услышал я едва живой, полный отчаяния голос матери.

«Мам... прости...» – единственное, что я сумел ей ответить. Слова застряли где-то глубоко в груди – там же большой ком, из-за которого было трудно дышать.

«Где Коля?» – спросил я маму, но боялся услышать от нее ответ.

Она молчала.

«Мам?...»

Потом, будто откуда-то издалека, до слуха донесся строгий голос отца, который казался мне совершенно чужим:

«Мы же попросили тебя никуда не уходить».

«Что с Колей?» – снова спросил я с глупой надеждой услышать что-то вроде: «Он съел много шоколада и у него сильно разболелся живот», или: «Коля разрисовал маркером себе все лицо, а еще и стены в своей комнате, так что отмывать будешь сам». Но этого я от них не слышу; они не говорят мне ничего подобного, а просто молчат.

Я еще не знаю, что случилось, но сам уже чуть не плачу. Предчувствую, что в наш дом пришла большая беда.

Отец делает неловкое движение, чтобы остановить меня, когда я бегу в комнату Коли. Помешать мне у него не получается и я распахиваю дверь. На мои глаза наворачиваются слезы.

«Зачем? Зачем я ушел, оставив брата одного?» – спрашиваю я сам себя, глотая слезы.

Сейчас мне хочется только одного – умереть. Как бы я хотел исправить то, что натворил!.. Как бы я хотел! Но это уже невозможно.

Я падаю на колени и чувствую, как сзади под руки меня подхватывает отец.

«Пойдем, пойдем» – слышу я его растерянный голос.

Но я вырываюсь...

Я не хочу никого видеть и слышать, а себя просто ненавижу! Но все мои слова и просьбы о прощении, конечно, ничто, по сравнению с тем, что случилось...

Все-таки отцу удалось увести меня из комнаты. Я отчаянно сопротивлялся и что-то кричал; много раз просил прощения; просил прощения у своего младшего брата, которого оставил в доме одного, несмотря на все предостережения родителей! Но я послушался; послушался и теперь вынужден жить со случившимся всю жизнь. Во что теперь она, моя жизнь, превратится? По ночам мне будет сниться Коля. Иногда в том виде, в котором я его увидел в последний раз...

Отец силой отвёл меня в мою комнату, и я проплакал там до утра. Что же я наделал! Еще много ночей я не мог уснуть – перед глазами был Коля. Я оставил его одного! Одного! И его больше нет! Коля задохнулся... Задохнулся оттого, что в его горле застрял колпачок от моего телескопа; тот колпачок, который, как мне показалось, я потерял где-то в поле.

Как же я хотел уйти тогда вместе с братом!.. Как же я хотел...

ЧАСТЬ 2

Черная дыра

01:53

Несмотря на то, что часовая стрелка на старых настенных часах с кукушкой замерла около двойки, а минутная еле заметно подбиралась к одиннадцати, Сергей Никифорович не спал. Он встал с кровати, просунул ноги в бамбуковые тапочки, которые из путешествия во Вьетнаме привезла дочь, и направился в небольшую кухню, окна которой выходили на опустевший к этому позднему времени Ленинский проспект. Включив тусклый желтый свет, источником которого была старая абажурная лампа, он увидел сонную, повернувшую в его сторону маленькую морду Ракету. Джек-рассел-терьер Ракета, скорее всего, ничуть не удивилась появлению хозяина ночью, ведь давно уже привыкла, что хозяин не спит в это время и заглядывает сюда, на кухню, чтобы просто посидеть и попить кофе или зеленого чая. Собака как будто ждет его здесь и совершенно точно знает, что рано или поздно он придет. Раньше запрыгивала в кровать и сворачивалась в клубок на подушке, сейчас – нет. А зачем? Хозяин все равно навестит ее сам. Больше всего времени ночью он проводил не во сне под одеялом, а на кухне в размышлениях.

На стене висел детский рисунок. Его собственный. Сергей Никифорович посмотрел на рисунок, будто давно здесь не замечал. Наверное, рисунок за много лет стал незаметным, примелькался и теперь на него не обращал внимания даже тот, кто когда-то нарисовал.

«Привык, наверное, к тому, что висит здесь на кухне много лет, и поэтому не замечаю – подумал Сергей Никифорович. – Вот и бумага, на которой он нарисован, – продолжал размышлять он, – стала уже желтой, по краям порвалась».

На рисунке, когда Сергей Никифорович был маленьким, он нарисовал вселенную. Такой, какой себе ее представлял – в форме круга, разместившегося в пустоте.

Да, конечно, вселенная имеет свои границы – вспомнил он, как размышлял о размере вселенной когда-то, когда нарисовал этот рисунок, – и было бы глупо полагать иначе; но та пустота, в которой находятся миллиарды и миллиарды звезд – бесконечна. За пределами вселенной не существует ни пространства, ни времени и эта бесконечность была всегда! Ее не нужно было создавать и придумывать, она – ничто, и представить себе мы можем ее только тогда, когда внутрь врывается, освещающая все вокруг ярким светом звезда; после этого мы уже не можем сказать, что там, где когда-то ничего не было, ничего нет и теперь: свет от звезды разгоняет мрак, и мы его видим.

Кеплер давно открыл, что вселенная расширяется, причем мы знаем куда именно – в бесконечное ничто, которое было и будет всегда; а также знаем и то, что для расширения вселенной должен был произойти взрыв вещества с бесконечной плотностью, заключенной в маленьком (возможно в чрезвычайно маленьком) размере – сингулярности. И с тех пор, когда Сергей Никифорович перестал быть ребенком, он уже не мучился вопросом, как в одной точке могла заключиться масса всей нашей вселенной; да, это трудно было представить, но для физика представить – не самое главное! Важнее – быть уверенным в чем-то.

Сергей Никифорович сначала налил себе кофе, но, вспомнив о проблемах с сердцем и советах врачей не пить кофе вообще, передумал, наполнив кружку зеленым чаем. На то, что сегодня удастся уснуть, не было никакой надежды.

Что же стало причиной того, что бесконечная плотность, заключенная в маленькой точке взорвалась? Да и откуда взялась сама точка? – как в детстве волновали Сергея Ники-

форовича овладевшие сознанием мысли. – С тех пор как Ньютону упало на голову яблоко известно, что все тела во вселенной взаимодействуют, а именно – притягиваются; правда в целом картина выглядит иначе, и на самом деле они разлетаются. Остановится ли этот процесс когда-нибудь в будущем? – Юрий Никифорович не знал и сейчас, став ученым. Точнее догадывался, что если масса вселенной выше какой-то критической точки, то остановится. И начнет сжиматься? Да, возможно. Но как же точно узнать, что стало причиной большого взрыва и во что превратится наша вселенная через миллиарды лет? Тут физика пока что была бессильна, и Сергея Никифоровича очень беспокоило то, что он не может ответить на самые важные вопросы в своей жизни.

У вселенной точно было какое-то начало, но что стало его причиной?... У вселенной впереди и какое-то завершение всего ее жизненного цикла, но сможем ли мы его предсказать?...

03:55

Поняв, что уснуть этой ночью все равно не удастся, Сергей Никифорович направился в обсерваторию университета, где работал уже много лет. Машин на Ленинском почти не было, и ничто не помешало добраться до места за пятнадцать минут.

Иногда в машине поскуливала Ракета. Время от времени Сергей Никифорович брал ее с собой на работу – тогда, когда не был уверен, что вернется домой в ближайшие сутки. Не любила Ракета такие ночные поездки из дома в обсерваторию, которая, видимо, казалась ей слишком большой и не уютной, а еще холодной и негостеприимной. Все время собака забивалась под стоявший в углу и не подо что не использовавшийся старый деревянный стол, который, казалось, просто забывали отнести на свалку; вся остальная мебель в кабинете была относительно новой и выглядела прилично, а этот... стоит здесь, будто специально для Ракеты. Может быть, никто и не выкидывал его, понимая, как важен стол для собаки, которая считает его чем-то вроде хорошей уютной будки. Правда, без стен.

Вот и сейчас она забила под него, и, казалось, ничего вокруг ее больше не интересует.

– Ты уж не грусти тут, – тихо сказал Сергей Никифорович собаке и, вспомнив, что забыл покормить ее дома, стал открывать дверки немногочисленных шкафчиков, что были в кабинете.

– Где-то ведь оставался! Но где?

За невнимательность ко всему, что не относится к работе, Сергей Никифорович укорял сам себя не часто, чаще жена, когда была жива; но было это давно: вот уже десять лет как ее не стало. Сейчас немолодого физика в его маленькой квартирке навещала только дочь, и если бы не она, совсем было бы грустно старику.

– Нет, нету нигде... Ты уж меня прости, дурака старого, – кряхтя, присел на корточки рядом с Ракетой Сергей Никифорович и погладил собаку по голове, та посмотрела в сторону хозяина и снова положила маленькую голову себе на лапы, будто ничего от него и не ждала.

Потом Сергей Никифорович поставил чайник. Опять хотел сделать себе кофе, но вспомнив про сердце, передумал и заварил зеленого чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.